

СВЕТЛЯЧОК

10.06.2016

№ 6(63). Июнь 2016 года

• **Помним!**

«А МУЗЫ НЕ МОЛЧАТ»

Так называется Всероссийский праздник фронтовой поэзии, который ежегодно проходит у Борковского литературно-художественного музея в Великолукском районе. 32 года назад его инициировал писатель, фронтовик, лауреат Ленинской и Государственной премий Иван Васильев.

Накануне дня Великой Победы здесь вновь зазвучали фронтовые и гражданские стихи и песни. Участники мероприятия почтили память погибших в годы Великой Отечественной войны, возложили цветы к братской могиле, а на воинском захоронении у монумента «Скорбящая» была отслужена лития.

Уже несколько лет подряд Тверское содружество писателей отправляет на праздник своих поэтов. В этом году ТСП представляли здесь Игорь Столяров из Нелидова и Маргарита Петрова из Андреаполя.

Как на самом деле всё близко. Великие Луки сейчас – Псковская область. А когда-то мы были частью области Великолукской. И журналист Иван Васильев, хорошо знакомый нашим землякам по статьям Валерия Кириллова, жил во Ржеве и работал с 1963 по 1972 годы собственным корреспондентом газеты «Калининская правда» по Ржевскому и Зубцовскому районам. Выходит, – он и наш земляк.

Дальние гости – Псков и Тверь – заехали накануне события, 4 мая. Многочисленная псковская группа, возглавляемая председателем правления Псковского регионального отделения Союза писателей России Игорем Смолькиным, расположилась в гостевом домике. А нашу, состоящую всего из двух человек, пригласила на ночлег вдова писателя Васильева, Фаина Михайловна Андреевская. И это было, пожалуй, самой большой удачей.

Одно дело – посетить кабинет знаменитого автора воссозданный в музее, совсем другое – оказаться на ночлеге в том самом кабинете небольшого уютного домика, где он жил. Представлять себе, как он писал свои строки, глядя в это окно, ворочался без сна от тревожных мыслей на этой самой кровати, на которой по счастливой случайности выпало ночевать тебе. А с портретов на стенах смотрят его внимательные глаза, вокруг, на створках шкафчиков, на столиках – резьба по дереву, им исполненная.

Экскурсия по самому музею, конечно же, тоже была. И провела его (для нас двоих тверских!) Фаина Михайловна, выкроив время среди такого наполненного и суетного дня.

О музее можно рассказывать долго и не в короткой газетной статье, столько в нем собрано и с любовью и знанием дела размещено. Здесь лишь несколько слов.

Почти 20 лет Васильев собирал материалы о воинских подвигах, о писателях, словом и оружием сражавшихся на тверской и псковской земле. Потом эти материалы лягут в основу литературно-художественного музея писателей-фронтовиков в Борках. 23 февраля 1988 года музей впервые открыл свои двери. Инициатором строительства музея также стал Иван Васильев. Он же был и рабочим, и художником, и экспозиционером по оформлению всего музея. Ещё через два года в Борках появляется Дом экологии.

Просто поразительно, как много может сделать человек, не бросая при этом пера, из-под которого выходят как тонкие лирические строки о любимой им родине, так и прямые, а подчас резкие публицистические статьи.

Утром 5 мая состоялся праздник, тщательно подготовленный и хранителями музея – Фаиной Михайловной и Ольгой Андреевскими, и администрацией Великолукского района. Возложив цветы павшим воинам, собравшиеся прошли к музею. На площадке перед ним зазвучали пронзительные строки о Великой Отечественной, о войне в Афгане, гражданские стихи о наших днях. Читали их и поэты, войны не знавшие, и приехавший из Москвы, воевавший в Афгане и имеющий награды и ранения молодой совсем мужчина по имени Вадим, и школьники. Был среди поэтов и священнослужитель, облаченный в одежду по сану. И все были едины в своем порыве, в любви к Родине.

И присутствовал незримо на этом празднике памяти фронтовик и писатель Иван Афанасьевич Васильев, благодаря которому и после его смерти потомки могли заявить: «Музы не молчат, даже если говорят пушки».

Маргарита Петрова
На снимке: фото на память (слева Ф. М. Андреевская – вдова писателя).

- Новые стихи

Сергей Венков,

Андреаполь

ПОДОЖДИ НЕМНОЖКО

Трудно девочке одной
Жить без ухажёра,
А вернётся он домой
Не совсем уж скоро.
Хватит, девочка, курить,
Выбрось сигарету,
Вряд ли можно заглушить
Дымом скуку эту.
Жди, девчонка, как и все,
Пусть сердечко бьётся...
И однажды по росе
Он к тебе вернётся.
Поцелуем обожжёт
Бархатные щёки.
Жди его, и он придёт,
Помни эти строки.
И ещё свои слова,
Что тогда твердила...
Знаешь, ты была права,
Сердце не остыло.
Девочка парнишку ждёт,
Сидя у окошка.
Не печалься, он придёт,
Подожди немножко.

О МАТЕРИ

Она не знает никакой усталости,
Она не молода и не стара,
А утром раньше солнца поднимается
И за работу с раннего утра...

Она ложится спать, когда закончится
Часов настенных полуночный бой,
Когда луна в окно её попросится,
Когда ночная тьма стоит стеной...

Она не помнит ни обид, ни зависти,
Она нисколько не умеет лгать,
Приедешь ненадолго навестить её –
Так даже неохота уезжать...

Она не может злиться и старается
Во время чьей-то ссоры тон смягчить,
Она довольно просто одевается –
Ей некогда за модою следить.

Она прощает самое поганое,
Она никак не может не простить:
Простит обиду, боль и слово бранное –
Другой она совсем не может быть!

Она – само добро, что редко встретится,
Она – дыханье солнечной весны,
Душа её простая так и светится,
Слова её негромки, но верны.

НАДОЕВШЕМУ ДОЖДЮ

Не стучи, дождь холодный, в окно,
Умоляя меня открыть шторы,
Не открою тебе всё равно,
Не пытайся со мною ты спорить.

Дождь, не капай на нервы мои,
Твои мокрые песни – печальны,
Слышишь, не по душе мне они,
Их тоскливый мотив ненормальный.

Дождь, ты так мне уже надоел,
Третий день под окном моим плачешь,
Сотню грустных мелодий напел,
Но они ничего ведь не значат?

Скоро первый октябрьский мороз,
Как спаситель, забыть поможет
О дожде, что пролил море слёз,
И о песнях унылых тоже.

МОЙ КРАЙ

Мой край, моя любимая сторонка,
Ты осенью дождливой стал дышать.
И, наспех, ветра пересвистом тонким,
Ты любишь спящую листву пощекотать.

Ты весь украшен золотом – листвою,
Мой край, с тобой ничто нельзя сравнить,
Ведь этой дивною осеннею порою,
Лишь ты таким прекрасным можешь быть.

И до весны снимают платья нивы,
Ты в шубы будешь белые одет,
Тебе, мой край, любимым и красивым
Быть сотни, тысячи и миллионы лет.

* * *

Арине Венковой сегодня двенадцать!
Привет, моя доча, огромный привет!
Я помню, как мы не могли все дожждаться,
Что б ты поскорей появилась на свет...

Как первое " МАМА " пискляво сказала,
И первых несмелых шагов топоток,
И стену, где ты на обоях писала
Картину " Погожий осенний денёк",

И первые буквы, упавшие в строчке,
И первую с первой пятёркой тетрадь...
А эти слова: " С Днём рождения, дочка!"
Хочу я тебе сотню раз повторять!

* * *

Круто День ВДВ отмечаем:
За Десант только с левой пьём!
И в фонтане друг друга купаем,
И бутылки об бошки бьём!

ВДВ – это мощь и сила
И вчера, и потом, и сейчас,
А фашистов всегда ждёт могила,
Потому что НИКТО, КРОМЕ НАС!!!

• **Стали песнями**
БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Седая мать у обелиска,
Как изваяние, стоит.
Вдруг, поклонившись низко-низко,
Кладёт ромашки на гранит.
И снова, молча, поклонилась,
Прикрыла скорбные глаза,
И по морщинкам покатилась
Скупая, жгучая слеза.
Как может мать забыть о сыне,
Что пал в неравном том бою,
Навек оставшись на чужбине?!
А мать всё ждёт в родном краю.
Дубок уж вырос выше крыши,
Что сын когда-то посадил,
А мать до сей поры всё слышит
Его шаги, как уходил.
Он уходил совсем мальчишкой,
Живым вернуться обещал
Её сынок Мишутка. Мишка
Собой Россию защищал.
Пришла на сына похоронка:
«Погиб за Родину в бою...»
Который год в родной сторонке
Без Мишки соловьи поют.
Лежит сынок её за Вислой
У безымянной высоты.
Полячки носят к обелиску
Ромашки – скромные цветы.

Лариса Иванова, Торопец

ГОДА

Мы года свои считаем,
Их в дорогу отправляем,
И бегут они ручьями, словно талая вода.
Только часто так бывает,
Что не каждый понимает,
Что ушедший день к нам больше
Не вернется никогда.

Привет:

Жизнь прожить не так уж просто, ты поверь.
Кто обратное твердит, тому не верь.
Не вернется прошлогодняя капель,
Наша жизнь вся из ошибок и потерь.

Мы с годами все мудрее,
Нам все проще и сложнее,
Только детства мир к нам больше
Не вернется никогда.
Забывать не надо сказки,
О дворцах и Златовласке,
Детства мир у нас в сердцах
Пускай останется всегда.

Привет:

Годы мчатся незаметно,
Не от нас зависит это,
И никто не в силах время обуздать.
В этой жизни все не просто,

Тут и там одни вопросы,
И опять невольно надо повторять.

Евгений Фёдоров, Андреаполь

ГИТАРА

Гитара, ты как женщина из дерева и лака,
Что раньше пела трелями в неистовых руках,
Твой голос мог смеяться, молиться или плакать,
Целуя отблеск рампы на темных потолках.

О, трепетная женщина, в настойчивых объятьях
Чарующе и сладостно звучавшая вчера! –
Сегодня твое счастье – лишь дым, что на закате
Едва ласкает угли забытого костра.

Расстроенная женщина, умолкнувшая птица,
Рыданьем проводившая прощальную строфу!
Теперь ты – просто память в футляре, что пылится
Среди глухой печали в растерянном шкафу.

Покинутая женщина! Кто распознает душу,
Кто вырвет из забвения, с иссохшей полки сняв?
Чьи пальцы теплым вихрем сон этих струн нарушат,
Освободив твой пылкий, непокоренный нрав?

Игорь Столяров, Нелидово

ТАМ ГДЕ-ТО

Родная сторонюшка ты моя,
Покинул тебя, извини...
Там где-то, там где-то родился я,
Там где-то корни мои...
Ты в серых лесах заблудилась,
Но тропку к тебе не забыть,
Ты снова мне, снова приснилась,
Приеду тебя навестить.
Там пахнет травой некошеной,
Там нежно журчат родники,
Там где-то в избушке заброшенной
Мои начинались деньки...
Там рожь колосится высокая,
Там грома раскаты сильней,
Там где-то в сугробе глубоком я
Купался, упавший с саней.
Там воздух другой – ЭКОЛОГИЯ!
Там птицы бодрее поют,
Там где-то встречал на дороге я
С покоса мамку мою.
Там солнце садится за липкою,
Там спину колол сеновал,
Там где-то гармошечку хлипкую
На свадьбах мой батюшка рвал.
Там люди радушием славятся
И вкусом своих пирогов,
Как только возможность появится –
Поеду на пару деньков.
Там утренних рос изобилие –
Прекраснее мест не найти,
Родная сторонюшка, милая,
Теперь тебе гость я, прости.

Сергей Венков, Андреаполь

• Непридуманные истории**ОТЧИМ**

Ольга напутствовала своих сыновей: «Никогда не берите замуж женщин с чужими детьми. Как они не милы эти чужие дети».

А когда младший сын долго не женился, она советовала ему: «Если вдруг возьмешь себе жену с ребенком, никогда не работай на этого ребенка. Веди себя так, как будто его нет». Старший ее сын возразил: «Если не хочешь, не бери с ребенком. Это твой выбор. Но если уж взял, то относись, как положено».

Ольга была не согласна с таким утверждением старшего сына и приводила в доказательство примеры, когда мужчины работали на чужих детей, но никакой отдачи от этого не получили. Зря только свои силы и средства тратили на них. И свои бывают неблагодарными, а чужие и тем более. Ведь говорят: «Чужого ребенка не приютишь».

Раздумывая над этим, я вспомнила рассказ одного мужчины.

– Я был внебрачным сыном у матери. Жили мы втроем: я, мама и дедушка. Семья была дружная. Я был примерным сыном, хорошо учился, всегда слушал маму и дедушку. Никакой ущербности от того, что у меня нет отца, я не ощущал. Мужское воспитание исходило от дедушки, он научил меня всему. И вдруг в нашей семье появился отчим. Как я возненавидел этого человека! Я не мог понять: зачем он возник в нашей жизни. Разве маме было плохо со мной и дедушкой. У нас царила полная гармония в отношениях. А этот отчим был как инородное тело.

Я не только не любил отчима в душе, но и всячески демонстрировал это. Убегал из дома в лес так, что меня не сразу могли найти. Не мог я, ребенок, понять, что маме очень хотелось не только материнского, но и женского счастья. А я отвергал всякие попытки отчима найти со мной общий язык. И только потом, спустя десятилетия, когда отчим, возможно, уже сгнил в могиле, я понял, что был он неплохим человеком. И столько он пережил: только три раза горел, похоронил свою первую жену, остался один с детьми. И здесь еще я, не принявший его ребенок. Плохо, что понял я это слишком поздно.

Возможно, Ольга так напутствовала своих сыновей потому, что берегла их от лишних жизненных проблем. Она не хотела, чтобы чужие дети издевались над так горячо любимыми ею сыновьями. Ее жизненный опыт давал такие примеры.

НАГРАДА

Игорь с Аллой очень хотели иметь детей. С каким восторгом они смотрели на маленьких ребятешек, представляя, что когда-то и они станут мамой и папой.

Но проходили годы, и судьба не награждала их счастьем материнства и отцовства. И тогда они решили взять ребенка у неблагополучной матери.

Они так радовались этому крошечному существу. Всю нерастрченную прежде любовь они расходовали на эту маленькую девочку. Представляли, как она вырастет и подарит им внуков. И тогда они будут счастливы вдвойне.

Но что удивительно, Алла скоро почувствовала, что она беременна. Она, уже потерявшая всякую надежду родить, могла и сама стать матерью. И спустя время действительно родила сына.

Почему их раньше Бог так не награждал? Почему только тогда, когда они взяли в семью приемную дочь, судьба стала к ним так благосклонна. Может быть, Бог и ждал от них этого решительного шага.

ПОСЛЕ БАЛА

Александра и Александр встретились на балу. Оба были несказанно красивы и невольно задержали друг на друге взгляд. Им было только по 18 лет, и происходило это в конце 19 века.

Говорят, что любая любовь – с первого взгляда. Живут соседи рядом и не обращают внимания друг на друга. Но однажды их взгляды встретятся, и захлестнет обоих прежде неведомое чувство. Так и здесь. Александр и Александра впервые увидели друг друга и не забыли.

Но судьба развела их по разным местам. Они 12 лет не виделись. И опять однажды случайно, когда им было уже по 30 лет, встретились на балу. Молодые люди признались друг другу, что все эти годы они не могли забыть ту первую встречу. Каждый мечтал увидеть любимого человека. Интуиция подсказывала им, что такая встреча обязательно состоится.

Молодые люди поженились. Все годы супружеской жизни, что были им отпущены Богом, они хранили супружескую верность, вырастили четверых детей. Жили они в Москве. Очень любили этот город. Но потом Александр заболел туберкулезом, и семья по совету врачей вынуждена была сменить климат и уехать в деревню. Александр дожил-таки до пожилых лет, а супруга его вообще была долгожительницей. Она ушла в мир иной в 93 года.

Галина Ермолаева, Андреаполь

• Не даёт покоя

СПРАХ

У каждого, наверное, бывали в жизни ситуации, при воспоминании о которых даже по прошествии длительного времени вновь испытываешь пережитое – растерянность, панику, страх и даже ужас... С тех пор прошло двадцать лет, а мне и сейчас порой снится, что я выбегаю во двор и нигде не вижу своего маленького сына или теряю его в толпе. Но это в кошмарном сне, а если – наяву? И сейчас простить себе не могу, что слушалась доброжелателей, которые давали советы, как приучать ребёнка к самостоятельности: пусть бегаёт во дворе, ничего тут опасного и страшного нет, пусть привыкает быть с другими ребятками! А было моему сыну тогда четыре года.

В один из тёплых весенних деньков всё же решила его отпустить одного погулять во дворе. Все окна квартиры выходили на другую сторону, на улицу, поэтому через каждые 10 минут я скатывалась по лестнице со второго этажа проверить, всё ли в порядке. С облегчением вздыхала: знакомая красная курточка мелькала среди ребятни, значит, цел и невредим. А когда в очередной раз сбежала вниз, то никого не нашла, двор был пуст. У соседнего дома только две старушки грелись на солнышке, да поджидал кого-то мужчина на мотоцикле... Мои внутренности враз заледенели, сердце будто лапой железной сжало, в голове судорожно заматались мысли – одна ужаснее другой. Как была – простоволосая, в тапках и в халате – заметалась по двору. Обежала соседние дворы, улицу – вдоль и поперёк, кого ни встречу, спрашивала, не видели ль маленького мальчика в красной курточке. Никто не видел!

Было такое чувство, что сейчас умру, а в мозгу билась сумасшедшая мысль: если что случилось с ребёнком, брошусь под поезд (железная дорога рядом). Плакать я не могла, просто не было на это сил. И вдруг на самом последнем витке отчаяния (как кто невидимый подсказал и подвёл) заглянула в подъезд дома, как раз напротив нашего. Боже! Мой ребёнок стоял в коридоре, прижавшись к стенке, и смотрел испуганными глазёнками. Я думала, упаду от счастья, ноги не держали. Схватила его, обтискала, обцеловала, а про себя клялась страшной клятвой, что никогда-никогда не буду ТАК приучать его к самостоятельности!

Оказывается, когда ребята постарше ушли по свои делам, мальчишечка мой остался один во дворе, и к нему подошёл петух с явными намерениями клюнуть... Дитя не растерялось и укрылось от опасности в ближайшем подъезде, а выйти было страшно... Так и стоял один, в темноте. Конечно, он этого уже не помнит, а маме до сих пор снится, как она, задыхаясь, бежит по улице, а впереди, в толпе, мелькает красная курточка и бесследно исчезает вдали...

БАЛКОН

Вышел человек на балкон покурить, облокотился на перила, а они возьми и рухни вниз, а вместе с ними – и человек. Второй этаж, невысоко, сильно разбиться мудрено. Если бы не железный штырь, который пропорол грудь несчастного. Умер он до приезда «скорой»...

Судьба, трагическая случайность? Называй теперь, как хочешь, а молодого мужчины нет. Но всё же...

На рынок я обычно иду мимо двухэтажного дома и всякий раз вижу это лобное место. Иначе и не назовёшь: балкон так и не отремонтировали, осталась одна открытая площадка. Среди других «опериленных» балконов она – как памятник давней трагедии.

А если бы молодой человек не был курильщиком, миновала бы его эта страшная смерть? Но ведь жертвой непрочного ограждения могли стать его родные и близкие. А они, несомненно, есть: на чистых окнах ажурные занавески, на подоконнике цветы – дело заботливых женских рук. Значит, он взял смерть на себя? Уберёт кого-то из любимых и дорогих сердцу людей? Может быть, в этом и состояло его предназначение?

СЛУЧАЙ НА ДАЧЕ

Дача у нас построена на отшибе, почти в лесу. В субботний день приехали туда с пятилетним сыном и остались ночевать. Ребёнка уложила спать, а сама отправилась на участок собрать инвентарь. Смеркалось. Вокруг тишина, безмятежность, покой... От ближнего оврага тянуло ночной свежестью, из сада пахло жасмином и ещё чем-то нежно-невесомым. На небе загорались первые звёздочки, изредка попискивали птички, устраиваясь на ночлег... Господи! Хорошо-то как! Помахивая ведром, не торопясь, шла к сараю мимо большого ящика с компостом. Вдруг меня насторожили шорох и возня за досками... А дальше, как в фильме ужасов: перемахнув через борт, из ящика выпрыгнула большая серая зверюга! – Волк! Сейчас нападёт! – молнией пронеслось в мозгу. – Мне конец! Ребёнок останется один! Надо спастись!

В какие-то доли секунды, спонтанно я присела и ... надела на голову ведро. Оно было такое объёмное, что накрыло меня с плечами. Через некоторое время, приподняв ведро, я с облегчением смотрела вслед улетающей прочь поджарой длинноногой собаке. Она испугалась не меньше.

Я вошла в дом и закрылась на все запоры. Сын мой крепко спал, не ведая, что пришлось пережить его неосторожной маме.

Светлана Виноградова, Нелидово

- Новые стихи
Наталья Шабанова,
Андреаполь

ЗАПОМНИ РУКИ

Прости за радость
И за боль прости,
Что я кометой
В жизнь твою ворвалась,
Упала в сердце
И на полпути,
Как боль-заноза,
В памяти осталась.
Не призывай
Всевышнего помочь.
Звезда сорвалась
И упала мятой.
Зачем, скажи,
Спустилась эта ночь?
И я, и ты –
Мы оба виноваты.
Оставь мне грусть,
И лёгкие, как сон,
Запомни руки,
Что легли на плечи.
Пусть с нами вместе
Плачет в унисон
И стылый дождь,
И этот тихий вечер.

ПОД ЛЕТНИМ ДОЖДЁМ

В ромашках спрятавшись, пою
И аромат вдыхаю лета.
Я тёплой негой дождевой
И пёстрой радугой согрета.

По лужам бегать босиком,
Как прежде, в детстве, я решила,
И лип медовых карусель
Меня в объятьях закужила.

Я танцевала под дождём
И в искрах солнечных купалась.
А платье с тонкою каймой
Подолом за ноги цеплялось.

Я в этот сказочный мираж
Вдруг окунулась с головою.
А ветер пел в моих ушах,
Звенело лето надо мною.

ЦВЕЛА ЧЕРЁМУХА В САДУ

Легла на талию рука
И вниз тихонько соскользнула.
Ах, почему так ткань тонка?
И почему свечу задуло?

Её волос блестящий шёлк
Его щеки едва коснулся,
Шум за окошком сразу смолк,
А сердца шум вдруг встрепенулся.

Цвела черёмуха в саду,
И ночь безмолвно отступала.
В каком-то пламенном бреду
Двоим казалось ночи мало.

РАССТАВАНИЕ

Уходят рельсы в даль далёкую,
С собой уносят чью-то боль.
А на перроне одинокую
Охрипший ветер рвёт любовь.

Разносит в клочья, в пыль разбитые
Твои слова и вновь, и вновь.
А по стеклу, дождём промытые,
Не капли катятся, а кровь.

Ольха попутная беспутная
Кивает веткою вослед.
И рвёт тоска тобою купленный,
Давно просроченный билет.

Свет твоих окон, вопреки
громам раскатистым,
Сияет солнцем и зовёт к себе,
Зовёт! Роняя грусть, я, как листок,
по-обывательски,
Пускаюсь страстно
в неосознанный полёт.
Я – в облаках, я – в родниках,
Я – над туманами.
Но шепчет осень,
что недолог мой полёт.
Кто знает, правдой,
иль неправдой,
Иль обманами
К твоим окошкам
этот листик
припадёт!

ГРУСТНО БЫЛО

Где была? Куда ходила?
Я тебе не расскажу.
Знаешь, просто грустно было
И теперь без дел сижу.
Что и как, сама не знаю,
Не люблю я эту грусть,
Посторонних заражаю,
На себя, как дура, злюсь.
Ведь приходит ниоткуда
И уходит в никуда.
Вот такая вот зануда,
Вот такая ерунда.

Осенний отпуск скучен и обыден,
Но это если в доме ты одна.
А если внуки, по-другому видишь:
Прощай, покой! Аукнись, тишина!

• Новые стихи

**Игорь Столяров,
Нелидово**

Слово всё так же вкусно,
Так же светла заря,
Только всё чаще грустно,
Словно старался зря:
Силы, горенья, света
Сколько ни приложи –
Время сотрёт поэта
В малые тиражи...

На свете, где удачи слепы,
Где нет хозяев – только гости,
Я сам себе кажусь нелепым,
Как рыжий клоун на погосте.

В стремленьях ищущей природы
Банальным вкусам не потрафить,
Я разыграл миниатюры
Среди цветов и эпитафий.

Благодарил, смешон и жалок,
За те нечастые моменты,
Когда взметался хохот галок
Под воронья аплодисменты.

Но перед зеркалом незримым,
Где мы всю ложь с лица смываем,
Вдруг осознал, что стал за гримом
Самим собой не узнаваем...

...Простой пример вернейшего из слуг,
Оно – всего лишь сочетанье звуков.
Но стоит только вслух произнести –
И станет видно в хаосе из букв
То чудо, что в укор земным наукам
Забьётся, словно бабочка в горсти.
Ему Создатель вымолвит: "Лети
И новый мир слепи из неживого,
Из бесконечной буквенной цепи;
Все тайны жизни в звеньях закрепи!"
...В начало света снова встанет Слово...

Когда погаснет день и стихнут звуки,
Он снова здесь останется один –
Надземной рампы вечный Господин,
Мастак на всё дарующие руки.
Он смотрит, чтобы рампа истекла
Сквозь темноту до самого утра
Слезами бликов от ярчайших бра
И тусклых ламп, горящих вполнакала.
Он стережёт огни, что ярче лета, –
В таких до срока прогорает нить;
Он их спешит скорее заменить
И вновь зажечь для продолженья света.

Мой сосед по даче сонно мямлит –
Зачитался книгой до утра:
В ней свеча горит, играет Гамлет
И швыряют ставнями ветра.

Засиделся – стрелки по минуте
Тихо прошагали к десяти.
Он всегда любил до самой сути
По страницам жизненным дойти.

Оттого сегодня и болеет:
Над висками молотки стучат.
Но улыбку делает теплее
Чехарда приехавших внучат.

Между грядок носятся ребята,
Где раскинул зонтик пастернак.
Я не помню, кто сказал когда-то:
Жизнь прожить – не дачу... Как-то так!

Излагаю мысли устно,
Глядя в радужную даль,
И смотреть немножко грустно,
И себя немного жаль.
Ходят жители планеты
Мимо бодрые вполне,
Что же стройные сонеты
Не рождаются во мне?
Вот прохожий чешет мимо,
По мобиле тарактя,
Вот корпит неутомимо
Развеселое дитя:
На снегу рисует розу,
Маму, зайца на коне...
Только я рифмую прозу,
За стихами – не ко мне.

Сложу-ка я тебе стишок о мире
В моей душе; о бликах и тенях
От занавесок в утренней квартире;
О переменчивых апрельских днях.
О ветре брошу пару строк небрежных:
Что вздох его – как бегство из оков
Невыносимо лёгких облаков.
Придут на ум банальности: "безбрежных",
А то и вовсе - "ветреных и нежных",
Но я ругнусь и вставлю: "безмятежных"!..
...А про любовь писать – для слабаков.

...Что дом земной? – обманчивый приют,
Где наши дни – капризней, чем подружки,
А годы так же нас не берегут,
Как в детстве мы не берегли игрушки...

• Подхваченные временем

* * *

Пылинка рода-племени,
чем дальше, тем скорей,
подхваченная временем,
лечу сквозь суховей.

Успеть бы дни отсчитывать,
что ветром у виска
посвистывают, сшитые
в недели и века.

Схвачусь за стрелки, спутаю –
помедленней, отбой!
Секундная, минутная
спешат за часовой.

Мчусь странницей без стремени.
И на каком витке
сорвешься вдруг в безвременье
из ситчика в платке.

Печаль не виснет бременем –
мой профиль, вид и род
посеянным мной семенем
сквозь время прорастет.

Маргарита Петрова

* * *

Она ушла. Зачем? Куда?
Одно известно – без возврата.
И в дом её вползла беда.
Черна. Неприбрана. Кудлата.

Закрыли крепом зеркала.
Ужасней не придумать встречи.
Она ещё вчера ждала...
Пред образами гаснут свечи.

Страшнее ночи будет день –
Прощайтесь! Небо покачнётся.
И чья-то (не её ли?) тень
На зов беззвучный обернётся.

Светлана Большенкова

* * *

Всё прекрасно на этой планете:
Звёздной ночью луны пятак,
Утром солнце и тёплый ветер.
Отчего же мне больно так?
Отчего опускаю руки
И едва не кричу навзрыд?
Почему в телефонной трубке
Мой родной абонент молчит?
Будет много ночей на свете,
Много хмурых и ясных дней,
То же солнце и тот же ветер,
Только бабушки нет моей.

Наталья Иванова

НОСТАЛЬГИЯ

Вот посидеть бы мне на бабкином крыльце!
Грибы почистить, принесенные из леса.
Увидеть бабушку с улыбкой на лице
И все вокруг, что скрыла лет завеса.

И пробежаться около прудов...

Я помню: на одном из них был остров...
И освежить бы в памяти все вновь!
Но вы поверьте – это так не просто.

Потом неспешно в барский сад пройтись,
Нарвать орехов полные карманы.
Наверно, их там нынче – завались...
Я это говорю вам без обмана.

А как там липы? Липы наши как?
Наверно, скучно им стоять в безлюдном месте.
Ведь кто-то их сажал не просто так,
А чтобы людям было интересней.

Еще акация там желтая росла,
Там, в конце сада, маячком светила.
Она сейчас, конечно, отцвела...
Но вот увидеть её – сердцу было б мило.

Нет, не сидеть мне больше на крыльце –
Ведь ни его, ни дома того нету...
И бабушка с улыбкой на лице
Мне не расскажет никогда про это.

Татьяна Головкина (Булкина)

И вот, в потоке дней приходит день,
когда чутьём встревоженного зверя
ты вдруг уловишь приторность идей
и глупость фраз, и чисел безразмерье.
И ты поймёшь, что весь твой путь сюда –
сквозь тернии, неверною тропую –
был лишь повесткой вечного суда,
творимого тобой и над тобою.
И ты поймёшь, что точная цена
всему – пятак, что Бог сто раз отксерен,
что нет дорог и дальше – целина,
не тронутая ни людьми, ни зверем.
И что с тобой на этом рубеже
есть только этот день сырой осенний
да светлый незатейливый сюжет,
хранимый и лелеемый доселе,
да робкий междутравный родничок –
причина той нечаянной ночёвки,
да ветер, что взобрался на плечо
из капюшона штопаной штормовки,
да окон взгляд, встревоженный слегка,
сквозь широко распахнутые ставни...

И так чисты перед тобой снега,
что боязно свой след на них оставить.

Владимир Юринов

(продолжение, начало в №5(62), май 2016)

ЖУЖА

РАССКАЗ

Он, можно сказать, из-за тебя в больницу и загремел». Вот это новость! – думаю я. – Блин! А я, как всегда, обо всём последняя узнаю! «Рассказывай! – говорю Белому. – Это как

так может быть, чтобы из-за человека руку сломали, а человек об этом ни сном, ни духом? Выкладывай, – говорю, – всё как есть. Со всеми подробностями выкладывай!» Ну, Белый и выложил.

Оказывается, три недели тому назад Куку поперли с работы. Да, совсем забыла сказать: Кука по профессии – айтишник, специалист по «железу» и сетям. Так вот, работал он до последнего времени сисадмином в одном достаточно известном банке и умудрился он там, в этом банке, ни много ни мало, а уронить сервер. Уронить в прямом смысле. На пол. То есть ухнул на бетон всю головную стойку, со всеми её кишками и причиндалами. С грохотом и звоном. С последующими короткими замыканиями и многочисленными локальными возгораниями. Как он умудрился обрушить привинченную к полу стальными болтами полутонную конструкцию, об этом, наверное, знает только он сам. Но дело, собственно, не в способе. Дело в результате. Один только прямой ущерб от в одночасье разбитой и погоревшей аппаратуры составил чуть ли не «пол-ляма». Американских денег, между прочим. И вот, пока банковское начальство, сбежавшись на шум и дым и вырвав у себя всю растительность по всему телу, стояло над этой, учинённой Кукой, «красотой» и думало, что ему теперь с этой самой Кукой делать: то ли казнить её немедленно, то ли предварительно кастрировать тупыми бараньими ножницами, в банк – как это обычно бывает, совершенно неожиданно – нагрянула полиция. В виде отдела по борьбе с экономическими преступлениями. И затребовало у банковского начальства всю документацию, включая жёсткие диски. «А вот! – сказало начальство, кивая на всё ещё дымящиеся компьютерные останки и покрываясь лёгким румянцем поверх смертельной бледности. – Берите! Всё берите, ничего не жалко!» Полиция потопталась вокруг обгоревшей груды железа, попинала её носком ботинка и поинтересовалась, кто автор этой замечательной инсталляции. «Я», – тихо сказал Кука, пряча за спиной последний из использованных огнетушителей. Полиция уважительно посмотрела на него и отбыла прочь, а банковское начальство, переведа дух, немедленно Куку уволило. Без выходного пособия, но и без штрафов и вычетов. Так что на момент своих знаменитых охтинских заплывов Кука был вполне официальным безработным...

«Так откуда этот официальный безработный такую кучу денег достал мне на подарки?! – возопила я, прерывая плавный рассказ Белого. – Он что, наследство получил? или у него папа Рокфеллер?» «Вот в этом-то всё и дело, – говорит Белый. – В этом-то как раз собака и порылась...»

Чтобы сразить меня сногшибательными подарками, Кука, как оказалось, взял кредит. Да не один, а сразу три – в разных банках. Брал он там, где давали, не глядя на личность просителя, а значит, – под огромный процент. И надо ему теперь, естественно, эти кредиты отдавать. А он – безработный. Он, конечно, разослал своё резюме в триста тридцать три места, но резюме – это штука долгая, ответ на резюме можно ждать и месяц, и два, и далеко не всегда этот ответ бывает положительным. А деньги нужны были уже прямо сейчас – драконовские проценты росли прямо на глазах. И Кука решил наскоро подработать. По специальности подработать у него не получилось, – никто на его объявления о вакантном айтишнике не клюнул, и сам он ничего подходящего в чужих объявлениях тоже не нашёл. И он пошёл туда, где предлагали деньги: а) относительно большие; б) быстрые и в) налом, то есть – в ремонтно-строительную бригаду.

В бригаде с Кукой разбираться долго не стали и, за неимением у него каких-либо ремонтно-строительных навыков, отрядили в разнорабочие. Кука не возражал. Работником он оказался хоть и старательным, но никудышным. Может, потому, что слишком старательным. Бригада ремонтировала какую-то дохренакомнатную квартиру на Пестеля. Всю неделю Кука по двенадцать часов в день исправно таскал кирпич, месил раствор и выносил мусор. А в начале второй недели бригадир, видимо, проникшись, доверил старательному разнорабочему снести межкомнатную перегородку. Окрылённый высоким доверием, Кука в старании превзошёл сам себя и для начала сломал выданную ему кувалду. Ему выдали вторую. Её он тоже сломал. Бригаде стало интересно. Бригадир съездил домой и привёз Куке третью кувалду. Свою личную Неубиваемую. Цельнометаллическую. И тогда Кука сломал себе руку...

«Мариинская – это которая на Литейном?» – прервала я Белого. «Ну да, – говорит он. – Угол Жуковского... Ты бы отпросилась у Босса, чтоб пораньше уйти, а то там после девятнадцати уже не пускают». «Ага! – говорю я. – Так меня Босс и отпустил! Тут работы выше крыши, а ты мне предлагаешь к Боссу отпрашиваться идти. Да он меня вдоль перекусит!..» «Ошибаетесь, Алёна Викторовна, – слышу вдруг за спиной, оборачиваюсь – Босс стоит, собственной персоной. – Ошибаетесь, – говорит. – Боссы – тоже люди, и, как отмечает мой друг, поэт: нечто человеческое нам тоже не чуждо. Разумеется, сходите навестите вашего друга.

(продолжение на стр.10)

(начало на стр. 9)

Работа – это, конечно, важно, но не всё на свете измеряется работой. Есть в этом мире ещё и сочувствие, и милосердие. Так что можете идти, Алёна Викторовна. С пятнадцати часов я вас не задерживаю». Сказал и пошёл. Я только головой покачала на эту высочайшую аллокуцию. Три года я работаю в конторе и в первый раз услышала, чтобы Босс кого-то куда-то отпустил. Наоборот, мы в отделе всегда твёрдо знали, что для нашего Босса единственной уважительной причиной преждевременного ухода сотрудника с работы является только его, этого самого сотрудника, преждевременная смерть. «Конец света! – говорит Маришка, которая присутствовала при этой невозможной сцене. – Если б своими глазами не видела, ни за что бы не поверила. Воистину, боги сошли с ума!»...

До Мариинской я добралась меньше чем за час. Там тоже всё поначалу пошло как по маслу – и в регистратуре не отшили, и халатик свежевыглаженный выдали, и даже до двери палаты проводили.

Я перед дверью этой постояла, с мыслями собралась, пакет с бананами из руки в руку переложила и, постучавшись, вошла. И офигела. Смотрю и вижу. На первой же от дверей койке сидит Кука. Сидит, как положено, в больничной пижаме, лыбится неизвестно чему и двумя забинтованными руками мне два «фака» показывает. Меня увидел, лыбу с лица снял, но «факи» показывать не прекращает. Я от растерянности даже поздороваться забыла. И Кука тоже застыл. Сидит, свою неприличность мне навстречу выставил и молчит. И краснеет. Сначала щёки у него зарозовели, потом уши, потом весь запылал. Хоть прикуривай. И всё молча. И я молчу. Короче, немая сцена, «Ревизор». Хорошо, один из Кукиных «сокамерников» инициативу проявил. Подскочил ко мне, пакетик принял, под локоток взял и до ближайшего стула проводил. Я и села. И очнулась. Палату оглядела и наконец поздоровалась. И со мной поздоровались. Их там, больных, по-всякому загипсованных, ажно шесть человек оказалось. Включая Куку. Этот, который меня на стул усадил, – тоже с гипсом на руке – мне и говорит: «Вы – должно быть, Алёна. Нам Ку... э-э... Станислав про вас много всего хорошего рассказывал. Разрешите представиться: Родион. Можно просто Радик...» – и ножкой по линолеуму: шарк-шарк. Я его оглядела: лет слегка за сорок, щуплый, плешивый, в мятом спортивном костюме, из расстёгнутой молнии на груди чёрная кучерявая растительность выбивается – видимо, та, что с головы сбежала. В общем, – типичный Радик. «Вот что, Радик, – говорю я ему, – не знаю, что тут вам про меня эта жертва врачебной ошибки наговорила, но вот объясните вы мне, как культурный человек культурному человеку. Это что, у вас тут так принято – всем входящим неприличные жесты демонстрировать? Или вы тут играете во что-то на желание?» И на Куку головой киваю. А Кука уже на тот момент не то что красный, а интенсивно малиновый. Как гребень перевозбуждённого петуха. Но «факи» свои тем не менее никуда не убирает – так перед собою и держит. «Ах, что вы, Алёнушка!.. – лысый Радик даже замахал на меня руками и, кстати, зря это сделал – застарелым потом от него и так разлило за версту. – Что вы! Какие могут быть игры?! Это же гипс! Это его загипсовали так. Это у него переломы такие». «Закрытый перелом проксимальной фаланги среднего пальца», – со знанием дела сказали сбоку. Я посмотрела. Вещал пожилой полный дядька на койке у окна – единственный из всех незагипсованный и единственный из всех, лежащий на животе. «Вот! – говорит плешивый Радик, простирая здоровую длань к вещуну. – Слышите? Артур Арнольдович знает, что говорит. Он сам – в прошлом врач. Хоть и ветеринар». «Ладно, – говорю, – убедили. Гипс так гипс. И проксимальная фаланга, – говорю, – дело святое... Но я вот чего ещё не пойму. Мне на работе сказали: Кука руку сломал. Руку! Одну! А он тут сидит с двумя... э-э... жестами наперевес. Ему тут что, вторую руку для симметрии загипсовали? Из соображений общей эстетики?» Ну, мужики в палате тут начали посмеиваться. А Радик вокруг меня так и затанцевал, так крыльями и захлопал, – я даже поморщилась. «Вы совершенно правы, Алёнушка, – воркует, – поступил он сюда действительно с одним переломом. Вторую руку он уже здесь...» «Родион Евгеньевич!» – говорит тут Кука и встаёт. Но лысый Радик от него только отмахнулся, уж больно хотел он мне про Куку всё в цветах и красках рассказать, всю правду-матку выложить, аж пробулькивал от нетерпения. «...Вторую руку он уже здесь, в больнице. Он когда к нам в палату зашёл с этим своим... неприличным жестом, мы, конечно, все заинтересовались – что да как? Он нам историю про кувалду и рассказал... Вы знаете эту историю, Алёнушка?» «Знаю, – киваю я, – продолжайте, Родион, я вся внимание». «Ну вот... – Радик обдал меня очередной волной запахов и продолжил: – Рассказал он нам эту историю, а мы что-то засомневались. Это как так – бить в стену кувалдой, а сломать руку? Не поняли, – говорим, – покажи, как так можно? Молоток у нас тут в палате как раз лежал; мы в тот день молоток и гвозди у завхоза попросили – стол починить, а то разохся весь, рассыпаться начал...» «Радик! – тут опять говорит Кука. – Не смей! Слышишь?!..» Но тут за рассказчика обитатели палаты вступились. «Давай-давай, Евгеньич, – говорят, – рассказывай. Ещё раз поржать охота. Кука, а ты не выпендривайся! Страна должна знать своих героев!» «Да, – говорю я, – продолжайте Родион Евгеньевич. Чего уж тут скрывать. Как говорят немцы: что знают двое – то знает свинья». Ну, а лысо-кучерявого Радика и просить-то не надо было, он и так аж захлабывался от нетерпения.

(продолжение на стр.11)

(начало на стр. 9 - 10)

«Так вот, – говорит, – дали мы ему этот молоток и говорим: показывай. Ну, он сперва, конечно, покобенился, а потом показал. Взял молоток в левую руку да по косяку ка-ак врежет! Косяк – вон, гляньте – в щепки, а он молоток выронил, руку между ног зажал и орёт...» В этом месте своего рассказа лысый Радик присел на корточки, загипсованную руку выставил вперёд, а здоровую сунул себе промеж ног, сделал плаксивое лицо и тоненько заверещал: «Мама!! Мамочка!! Да нахрена ж ты меня родила такого?!..» Палата сотряслась от хохота. Мужики ржали в голос. А ветеринар Артур Арнольдович только всхлипывал и причитал: «Тише вы!.. Ой, тише! Копчик же у меня! Мне ж смеяться больно!..» Получилось всё это у Радика действительно потешно, и я поймала себя на том, что тоже улыбаюсь. «Представляете, Алёнушка? – Радик вскочил и опять затанцевал вокруг меня. – Представляете?! Нахрена, кричит, мамочка, ты меня родила?!..» «Представляю, – говорю, – это я очень даже хорошо себе представляю...» Смотрю я на этого Радика, а он цветёт и пахнет. Доволен, значит, что эффект произвёл. «Сволочь ты, Радик! – говорит тут вдруг Кука, причём очень даже спокойно говорит; я на него глянула – мама дорогая, а он уже не красный, а белый весь, как полотно. – Сволочь и трепло!» А потом дверь плечом толкнул и в коридор вышел. И тихо в палате стало. «Э-э-э... – говорит Родион Евгеньевич неуверенно. – Чего это он?.. Никак обиделся?» «Да, – говорю я, – чего это он, в самом деле? Пойду посмотрю...»

Вышла я из палаты, головой покрутила, увидела Куку в конце коридора – и за ним. Догнала уже у самой лестницы. «Кука, – говорю, – ты чего? Остынь. Не по делу, – говорю, – психуешь». А он сперва помолчал, а потом на лестницу кивнул и говорит: «Уходи». Я даже не поняла сначала. «Куда, – спрашиваю, – уходить?» А он: «Совсем уходи... И не приходи больше. Никогда». Я на него посмотрела – он стоит, губу кусает и на меня не смотрит. «Я ведь уйду», – говорю. Он молчит. «Уйду, – говорю, – и не приду больше. Никогда. Слышишь?» Он молчит. «Ну, ладно, – говорю, – смотри, как хочешь. Хозяин-барин». Он молчит. «Ладно, – опять говорю, – пока. Выздоровливай. Приятно оставаться», – и по лестнице вниз пошла. Сначала медленно пошла, потом быстрее, а потом через ступеньку запрыгала.

Очнулась уже возле метро – даже не помню, как до станции дотопала. Стою и думаю – куда ехать? Времени ещё только полпятого. И поехала на работу.

Наши, когда меня увидели, малость офигели. Белый спрашивает: «Ты чё, бро? Тебя ж до завтра отпустили!» «Отвянь! – говорю. – Не до тебя». Светик тоже высунулась: «Алёнка, ты что, никуда не поехала, что ли? А как же Кука?» «Да отстаньте вы от меня! – говорю. – Что вы ко мне привязались?! Поехала, не поехала – кому какое дело?! Хочу – еду, не хочу – не еду! Понятно?!» «Понятно, – говорит Светик. – Что ж тут непонятного? Конечно, понятно» А тут и Босс нарисовался – куда ж без него? «Алёна Викторовна, – говорит, – я же вас на сегодня отпустил. Или вы передумали? – а потом посмотрел внимательно и спрашивает: – Что-то случилось?» «Ничего, – говорю. – Ничего не случилось... А даже если и случилось. Вам-то что? Какая вам разница?! Сотрудник на рабочем месте? На рабочем. Делом занят? Занят! Что вам ещё надо?!» Босс помолчал, губу пожевал, а потом говорит: «Вы правы, Алёна Викторовна. Мне, как руководителю, от вас больше ничего не надо. Пожалуйста, продолжайте работать, не буду вам мешать». И вышел.

Ну, я на своё место плюхнулась, в монитор уткнулась и так и просидела, ничего на этом мониторе не видя, до тех пор, пока все не разошлись. Только когда у Босса в кабинете свет погас и когда наша уборщица, тётя Катя, стала у себя в подсобке ведрами греметь, я тоже встала, комп отключила и домой пошла.

Спала я или не спала в ту ночь – не помню. Наверное, всё-таки совсем не спала, потому что чувствовала себя наутро, как побитая собака. На работу пришла, а работать не могу – колотит меня всю и вроде как даже подташнивает. Пошла на кухню, кофе себе сделала и стою за стойкой – делаю вид, что пью, хотя саму от одного запаха кофейного мутит. Минут через двадцать пришёл Белый. На меня покосился, но ничего не сказал. Сварил себе тоже кофе и сел у меня за спиной. Я через минуту про него и забыла. Вдруг чувствую – берут меня за плечи, крепко так берут, и разворачивают. Белый. Смотрит в упор, как он это умеет, и говорит: «Ну, всё, хватит, выкладывай давай!» Вот тут меня и прорвало. Уткнулась я ему в грудь, реву, а сама сквозь слёзы спрашиваю: «Белый, я, правда, дура?!.. Правда? Скажи!.. У меня что, правда, мозгов совсем нет?!..» А он меня по голове гладит и утешает: «Правда, бро, правда... Ни одной извилины... Ни единой... Темно, гулко и тараканы бегают. Если б дятлы знали, сколько у тебя в голове тараканов!..» Ну, вот так постояли мы в обнимку, я проревелась, малость успокоилась, а Белый мне и говорит: «Иди к Боссу». Я на него посмотрела удивлённо. «Ты уверен?» – спрашиваю. Он кивает: «Уверен... Только сопли подотри малость и иди». «Убьёт он меня, – говорю. – Как пить дать убьёт». «Авось не убьёт, – говорит Белый. – Ну, а ежели убьёт... Ты же знаешь, – коллектив у нас дружный, скинемся по сколько надо и похороним не хуже других». «Добрый ты», – говорю я ему. Ещё постояли. «Ладно, – говорю. – К Боссу, так к Боссу. Двум смертям не бывать... Всё, пошла умываться»...

(продолжение на стр.12)

(начало на стр. 9 - 11)

К Боссу в кабинет я зашла уже совсем даже ничего: умытая, накрашенная и с блеском энтузиазма в глазах – как и положено образцово-показательному работнику. «Эдуард Андреевич! – говорю с порога. – Вы меня простите за вчерашнее. Вела себя, как дура. Сорвалась с цепи, бешеная муха покусала, и вообще. Впредь не повторится. Можете казнить, но лучше помилуйте... И ещё... Отпустите меня сегодня с работы пораньше. Опять. Причина та же. Попытка вторая. Первая не удалась». Босс голову от бумаг оторвал, ручку по столу покатал – есть у него такая привычка – хмыкнул и говорит: «Знаю я этих мух, Алёна Викторовна. Сам в своё время натерпелся... Ну что ж, всякое бывает, не с роботами работаем, все живые люди. Инцидент будем считать исчерпанным... Вторую попытку разрешаю. Как и вчера, с пятнадцати часов можете быть свободной... А пока ступайте, Алёна Викторовна, работайте. Там вчера Лямин интересную идею предложил. Я бы даже сказал – многообещающую. Постарайтесь вникнуть», – и опять в бумаги свои зарылся.

Вникнуть в многообещающую идею Ля-минора я даже и не пыталась – так и присидела до пятнадцати часов, как на иголках. В пятнадцать сорвалась. Возле турникета меня нагнал Белый. Буквально за шиворот поймал. «Слушай, бро, – говорит, – мы тут с пиплом посоветовались... Короче, узнай у Куки, сколько он банкам должен. То есть общую сумму на текущий момент. Мы скинемся, его кредиты погасим, а он потом нам всё вернёт. Только не спеша и без процентов. А то он пока из больнички выйдет, пока работу найдёт, они его по миру пустят. Квартиру ещё, чего доброго, отберут». И смотрит на меня своими карими глазами. А я и сказать толком ничего не могу. «Белый... – говорю. – Белый...» А он мне: «Всё, всё, не начинай всё сначала. У меня рубашка на груди до сих пор ещё не высохла». Ну, я у него на шею всё равно малость повисела, обцеловала его всего и понеслась. Но не в Мариинскую сразу понеслась, а к себе домой, на Гражданку, – у меня к тому времени уже созрел определённый план.

Для начала забежала я в «Магнит», потом – в «Три пескаря», потом – домой. Слава богу, дома никого не оказалось – никто мозг расспросами выносить не стал. Приготовила я всё, в сумку запихала и снова – на метро. Всё бегом, поскольку время уже поджимало.

В Мариинской я по уже натоптанной тропе – по лестнице на второй этаж, налево, по коридору и к палате. Стою перед дверью, дыхание перевожу и вдруг меня, как током, ударило – а вдруг его уже там нет?! Перевели куда-нибудь, выписали да мало ли чего! Ну, я сразу дверь и рванула. И выдохнула. На месте! Сидит на кровати и жесты свои неприличные себе на колени положил. Голову поднял, меня увидел и лицом как-то сразу закаменел. Я ему головой кивнула, мол, выйди, и дверь обратно прикрыла. Выходит. На меня не смотрит. «Слушаю», – говорит. Но уши красные. Я ему, как ни в чём не бывало: «Привет, – говорю. – Пива хочешь?» Он не понял, голову повернул. «Какого пива?» – спрашивает. «Разливного, – говорю. – Чешского. Светлого. Холодного. С горячими креветками. Хочешь?» А сама – невинность невинностью: глазки вбок, губки бантиком. Он помедлил, потупил малость. «Хочу, – говорит. – И что?» Я сумку приоткрыла, ему показываю: «Вот, – говорю, – в высоком термосе – пиво. Холодное. В плоском – креветки. Горячие... Прямо здесь будешь трескать, или пойдём куда?» Тут до него дошло. На меня посмотрел – уже нормально посмотрел, а не исподлобья – носом шмыгнул и говорит: «Не, не здесь. Здесь только пиво покажи – ничего самому не достанется... Пошли вниз, тут скверик есть – там на скамеечке посидеть можно».

Устроились мы в скверике замечательно. Скамеечка прямо возле центральной аллеи. Больные фланируют, медсёстры по своим делам пробегают, врачи. На нас никто внимания не обращает. Да и что на нас внимание обращать – картина идиллическая: жена кормит своего покалеченного мужа. Два термоса, стаканчики, пакетики разные, судочки. Я креветки чищу, ему прямо в рот отправляю, пивом холодным из стаканчика ублажаю. Он поначалу стеснялся, а потом ничего, втянулся, привык, даже командовать начал: «Пиво... Креветку... Ещё креветку... Теперь опять пиво...» До девятнадцати часов мы как раз уложились, – оба термоса пустые, хоть вылизывай. Он встал, плечом рот утёр, посопел маленько, а потом говорит: «Я думал, я тебя никогда не прощу, но... С тобой всё так просто, Алёнка... Алёнка, ты... Ты...» «Ладно, – говорю, – чего там, проехали... Только ты учти, я ведь каждый день приходиться не смогу, у меня начальник строгий». У него аж снова уши порозовели. «Я понимаю, – говорит. – Каждый день и не надо. Ты хоть раз в неделю приходи. По выходным хотя бы...» Вот так мы говорим, а сами в корпус идём. Я его до палаты проводила и только тут про задание Белого вспомнила. И тут же у палаты Куке всё вывалила. У него глаза сразу, как у бешеного таракана, стали: да вы что! да не надо! да я сам! Я ему говорю: «Ты фигнёй не страдай. Ты сам пока всё выплатишь, они тебя за долги рабом на галеры продадут. Тем более, ты сейчас: а) безработный и б) инвалид. А нам не в тягость. Как говорится, нам всё равно, а тебе приятно...» Он хотел ещё что-то мне сказать, но тут на нас медсестра налетела: «Девушка, время посещения уже десять минут как закончилось! Давайте на выход! Давайте, давайте! И не забудьте халат сдать!.. Куковин! А вы – на ужин! Бегом! Вас там ждать никто не будет!» «Ладно, – говорю я Куке, – я пошла. Завтра ещё зайду, тогда сумму скажешь. И усвой: сейчас не война, геройствовать не обязательно». А потом шагов десять ещё прошла, обернулась и добавила: «Не скучай тут без меня, Стас!»

(продолжение на стр.13)

(начало на стр. 9 - 12)

Через три недели Куке сняли гипс с левой руки. И почти сразу выписали домой. Я за это время приходила к нему раз десять. А в одну из суббот мы завалились к нему всей толпой. С пивом и креветками по моей методе. Мы там всю Марининскую на уши поставили! Нам даже полицией грозили. Но мы – люди мирные, мы и без полиции ушли.

Выписали Куку во вторник, но навестила я его после выписки только в пятницу. У нас как раз всю эту неделю был аврал – сдавали проект. Идея Ля-минора всё-таки выстрелила. Сначала мы долго вокруг неё топтались, всё не знали, за какой конец ухватить. Идея вроде классная, но ведь её же надо практически реализовать. А потом Альберт алгоритм решения предложил – и дело пошло. Всё-таки голова у него – будь здоров! Эйнштейн, одним словом. Ну и, разумеется, наш Босс своё веское слово сказал. Он ведь у нас программист от бога! Такой код сочинил, что программа наша ласточкой полетела. Но работы всё равно всем хватило. За глаза и выше. Мы в последние дни из конторы почти и не уезжали. А Толян так тот реально ночевал на рабочем месте – ему дальше всех домой ехать, он ведь у нас в Стрельне живёт, так он решил вовсе с дорогой туда-сюда не заморачиваться. Наконец в пятницу с утра Босс взял все наши наработки, уложил их в кофр, перекрестился на принтер и уехал к Генеральному. А мы остались из угла в угол ходить да в «сапёра» играть. Вернулся Босс только после обеда. Довольный, как слон. Встал перед нами, руки за спину заложил, с пятки на носок покачивается и жмурится, что твой кот. Мы-то по его виду понимаем, что вроде всё хорошо, но любопытство всё равно разбирает. «Ну что, – спрашиваем, – Эдуард Андреевич? Как всё прошло? Что сказал Генеральный?» «Слушать сюда, гвардия! – говорит Босс, он, когда доволен, всегда на такую вот полуармейскую терминологию переходит. – Наш проект принят. Причём принят без каких-либо условий и доработок. Можете считать, он уже в производстве... От Генерального вам привет и наилучшие пожелания. И ещё премия. В размере... ТРЁХ месячных окладов!.. Тихо!.. Ти-хо!.. Погодите! Дайте досказать... И от меня лично вам тоже... строгая благодарность и тоже премия. В размере одного оклада... Да погодите вы! Хватит орать! На улице орите... Всем, кроме премии, даю по два отгула. Так что жду вас всех на работе... в среду в девять ноль-ноль. Всё. Всем спасибо, все свободны». Последние слова он говорил, уже летя к потолку. Качали мы его, как олимпийского чемпиона. Я думала, мы им потолок пробьём.

К Стасу на квартиру я приехала часам к пяти. Я тогда у него первый раз дома очутилась. Квартира у него однокомнатная, но в центре и в «сталинке»: помещения большие, что комната, что кухня, что ванная, и потолки – под четыре метра. Ему эта квартира в наследство досталась. От тётки его – между прочим, актрисы БДТ. Срач он, правда, в квартире развёл страшный. Хотя оно и понятно – с одной рукой как ты порядок наведёшь? Ни посуду толком помыть, ни полы. Ну, я почти до полуночи у него по дому и шуршала – блеск наводила. В общем, навела. И у него так и осталась. Сначала до утра, а потом и до среды. И всё у нас было хорошо. И днём было хорошо, и ночью. И рука его загипсованная нам не слишком мешала. Кстати, сразу после нашего затяжного медового уик-энда, в среду, у него и с правой руки гипс сняли.

А потом у нас так и повелось: пять дней я – в режиме «дом-работа», а с вечера пятницы до утра понедельника – у него.

На работе я вида, что у меня что-то изменилось, старалась не подавать. Старалась выглядеть, как обычно. Ну, и никто, вроде, никакого специального внимания на меня и не обращал. Только Белый один раз отловил меня в коридоре тет-а-тет и спросил: «Ну что, бро, тебя, похоже, можно поздравить?» «С чем?» – спрашиваю. Он такой: «Ну как, дело-то, наверное, уже к свадьбе?» Я на него в упор посмотрела и говорю: «Саня, – говорю, – когда мы с тобой почти полгода, как муж с женой, жили, мы про свадьбу разве говорили?» Он плечами пожал. «Нет», – говорит. «Так что ж ты, – говорю, – меня сейчас загсом пугаешь? Или ты считаешь, что ты – это ты, а Кука – это что-то совсем другое?» Он хмыкнул, в затылке почесал и отошёл. И всё.

И дома всё это время была тишь да гладь. Маман моя, кажется, даже дышать в эти дни перестала. Ни одного вопроса за всё время не задала. Ни прямого, ни косвенного. Надо полагать, спугнуть боялась. Оксанке тоже не до меня было – она сама в это время роман с каким-то брюнетом крутила. Так я и жила – от пятницы до пятницы.

Вот и в эту пятницу я сразу после работы к Стасу поехала.

Странности начались ещё в парадной. Захожу я с улицы, а там запах винный стоит, хоть закусывай. Во, – думаю, – кто-то бутылку до дома не донёс. Вот ведь огорчение человеку! Причём, что характерно, пахнет не какой-нибудь дешёвой бормотухой, а вполне себе приличным вином. То есть витает в подъезде не какое-то там плодово-выгодное амбре, а некий, я бы даже сказала, дух аристократизма. И тут же сразу источник этого духа обнаружился: на первых же ступеньках, у стены, стоит картонный ящик. Шампанское. И лужа от него по всей лестничной площадке. Я пригляделась – ничего себе! – «Veuve Clicquot» – «Вдова Клико», брют. Вот ведь, – думаю, – тетеря какая-то безрукая целый ящик «Вдовы» грохнула. А оно сейчас самое дешёвое – тысячи три за бутылку! И сразу же про Куку подумала – его стиль! А потом думаю: да не. Не может быть. Он и так сейчас в долгах, как в шелках. Куда ему шампанским баловаться. Тем более таким дорогим. Не до жиру... Короче, пока я таким образом размышляла, до четвёртого этажа дошлёпала – Кукина квартира как раз на последнем этаже. Дверь ключом открыла, зашла – никого. Странно, – думаю.

(продолжение на стр. 14)

(начало на стр. 9 - 13)

Стас обычно на первый же шорох из комнаты навстречу вылетал – меня встречать. Смотрю: его кроссовки на месте – значит, дома. Странно, – опять думаю. Ну, босоножки скинула, в комнату прохожу. Сидит на диване. Нос повесил и сидит. На меня посмотрел. «Привет, – говорит, – проходи». И опять давай половицы изучать. У меня аж сердце ёкнуло. «Стас! – говорю. – Что случилось?..» И тут смотрю – на столе бутылка шампанского стоит. «Вдова Клико», брют. «Так это всё-таки ты! – говорю. – А я ещё сомневалась... Это что, всё, что осталось? Одна бутылка от целого ящика?!» Кука голову поднял, на бутылку посмотрел задумчиво и говорит: «Одна. Единственная... Но это всё – фигня. Это – мелочи...» «Ничего себе мелочи! – ору я. – "Вдовой Клико" полы в подъезде помыть! Не крутовато ли?! И вообще, – ору, – ты чего это деньгами швыряешься?! Тебе ребятам долги отдавать, а ты тут "Вдовой Клико" балуешься! Нашёл время барствовать!..» А он помолчал и говорит: «Для шампанского есть повод... Точнее, был... А разбитые бутылки – это фигня. У меня тут посерьёзнее неприятности». Господи! – думаю. – Если разбитый ящик «Вдовы Клико» – фигня, то что ж тогда у него случилось?! Умер кто, что ли? Села я рядом, за руку его взяла. «Давай, – говорю, – исповедуйся». Ну, он всё и рассказал.

Оказывается, моё затяжное мозгоклюйство принесло наконец свои плоды. Я ведь Куку все эти недели, как бензопила, пилила. Мол, как можно так жить? Пора, мол, как-то выбираться из этих, из скорбных меланхоликов. Контролировать себя как-то надо. Шаги свои просчитывать. Жизнь свою, в конце концов, строить, а не плыть по течению... продуктом жизнедеятельности. Ну, короче, ела я ему мозг, что твой зомби. И своего таки добила. Решил он на этой неделе жизнь свою круто поменять. И для начала сделал две глобальные вещи: купил упаковку мусорных пакетов и месячный проездной. Для незнающих Куку это может показаться смешным. Но я, например, понимала, что шаги, им совершённые, были действительно эпохального свойства. Ведь Кука до сего дня старался везде и всюду ездить по-студенчески, «зайцем» – в свои без малого двадцать семь лет скакал через турникеты, бегал от контролёров, что при его «везучести», сами понимаете, сплошь и рядом заканчивалось неприятностями разной степени тяжести. А мусор Кука сыпал прямо в ведро, отчего оно у него, даже пустое, вечно благоухало, что твой сыр «рокфор». За «а» последовало «б». В качестве следующего шага Кука обратил внимание на свою жизненную безопасность. Он записался в бассейн, в группу начинающих, чтоб, в конце концов, научиться плавать. И решил сделать ксерокопии всех своих наиболее важных личных документов. Собрал он эти документы, сложил их в папочку и повёз к себе на работу, где был бесплатный ксерокс. Да, забыла сказать, Кука к тому времени уже устроился по специальности. И что интересно, трудоустроить Куку помогла моя маман. Её подруга, Жанна, – начальник отдела какого-то крупного НИИ. Вот моя матушка и пристроила туда Куку. Администратором локальных сетей. На очень даже неплохую зарплату. Не, диплом, конечно, дипломом, знания знаниями, но, как говорит Пахомыч: блат в наше время ещё никто не отменял.

Так вот. Запахнул Кука документы в папочку и поехал в этот свой НИИ. А поскольку он никогда в жизни никуда с папочками не ездил – ну, не было у него такой привычки, он всё своё барахло всегда в карманах таскал – то добрался он до института уже без папочки. И где он оную профукал – то ли в автобусе оставил, то ли в метро – он, разумеется, напрочь не помнил. Так что, благодаря своему ротозейству и дырявой башке, лишился он одновременно и паспорта, и свидетельства о рождении, и диплома.

«Охренеть! – только и смогла сказать я. – И как ты теперь?» Он только плечами пожал. Потом встал с дивана, к окну подошёл. Постоял там, на подоконник опёршись, окрестности поизучал, а потом говорит тихо, типа сам с собой разговаривает: «А почему бы и нет?.. Ну не может же быть, чтоб ВСЁ плохо...» Я спрашиваю: «Чего не может быть? Что ты там бормочешь?» А он вдруг поворачивается так решительно. «А вот чего!» – говорит. Подходит к шкафу, открывает дверцу и давай там копать. Чуть ли не по пояс туда залез. Выныривает, а у него на шее – галстук. Прямо поверх майки. И галстук такой – я таких отродясь не видела: широкий, зелёный, атласный, с жёлтой пальмой и коричневой обезьяной на этой пальме. «Нравится?» – спрашивает. Я говорю: «Отпад!». А он: «Это – стилигский. Начало шестидесятых. У тётушки в шкафу раскопал, – и на шкаф кивает. – А самое интересное, знаешь, что? Галстук-то мужской, а тётушка моя незамужняя была. Представляешь?» Я говорю: «Так может, ты слабо копал? Может, там, в шкафу, если хорошенько поискать, и скелет тётушкиного любовника найдётся? В качестве приложения к галстуку». Он говорит: «Очень может быть. Если хочешь, потом вместе поищем». А сам идёт в другой угол комнаты, к серванту, достаёт из-за стекла два фужера – тоже старинные, голубоватого хрустала – и ставит их на стол. Потом откупоривает шампанское, причём, что характерно, достаточно ловко откупоривает – ни капли не пролил, и наполняет фужеры. Я спрашиваю: «Обмываем галстук?.. Или тризна по утраченным документам?» Он молчит. Весь загадочный такой. Снова идёт к серванту, выдвигает ящик и достаёт оттуда шкатулку. Небольшую – с ладонь. Издалека похоже на резную слоновую кость. Теперь и я уже тоже молчу – заинтриговал. А он подходит ко мне, опускается на одно колено и протягивает мне эту шкатулку. «Это – тебе», – говорит. Я хмыкнула, шкатулку с его ладони взяла – точно, слоновая кость – тяжёленькая. «Что там? – спрашиваю – Ещё одно нэцке?». Он говорит: «Открой». Я открыла.

(продолжение на стр. 15)

(начало на стр. 9 - 14)

В шкатулке на чёрном бархате кольцо лежит. Одно. Золото с изумрудом. Хотя точно не знаю – я в камнях не разбираюсь. Знаю, что изумруды зелёные, вот и кольцо – с зелёным камнем. «Где взял? – спрашиваю. – Тоже тётушкино наследство?» «Ювелирный бомбанул, – отвечает, шутит, стало быть. – Примерь». Ну, я примерила. На безымянный палец как раз налезло. Он говорит: «Не на ту руку. Обручальные на правой носят». Я говорю: «Так то ж обручальные...» – и заткнулась. Дошло до меня. Всё срослось. И кольцо, и галстук этот его стилигский, и слова его странные. И шампанское. «Стас... – говорю. – Стас, ты что, серьёзно?» Он говорит: «Серьёзней не бывает. Пойдёшь за меня замуж?» Я говорю: «Конечно нет!» Его как по лицу ударили. «Почему, – говорит, – "конечно"?» А у самого голос хриплый, как в форточку подышал. Я говорю: «Да потому!». Он: «Почему?!» Я говорю: «Да потому!.. Да потому хотя бы!.. Ну, как я за тебя, за обормота, замуж пойду, если у тебя даже паспорта нет?!..» Он говорит: «Ну, паспорт же когда-нибудь будет...» А я ему: «Паспорт, может быть, когда-нибудь и будет. А я твоей женой – никогда!» Вскочила, кольцо с пальца стащила, на стол кинула – и к дверям. Он кричит мне вслед: «Алёнка! Стой! Не уходи! Ты же пожалеешь потом!..» Или что-то такое, в таком роде, я толком не расслышала. Я – босоножки в руку, даже надевать не стала, за дверь выскочила – и вниз...

Вечером я ему позвонила – боялась, как бы он там чего с собой не сотворил. Он ответил – голос бодрый. Не, ничего, – думаю, – живой. И к суицидам, похоже, не предрасположен. Малость у меня отлегло. «Алло! – говорит он в трубку. – Кто это?.. Говорите... Алло! Вас не слышно!..» А потом помолчал, подышал и спрашивает: «Алёнка, это ты?..» Я молчу. Он тоже молчит. А потом кашлянул и говорит: «Алёнка, ты знай, всё, что я тебе сказал, – всё всерьёз... Всё, до единого слова. Ты меня поняла, Алёнка?.. И ты учти: я тебя жду. Каждый день жду... И всю жизнь буду ждать...» Ну, я тут трубку и положила.

И знаете, что я думаю? Думаю, придётся мне за него всё-таки замуж выходить. Нет, вы сами рассудите. Ведь он же без меня пропадёт, эта балда безрукая. Этот скорбный меланхолик. Пропадёт к чёртовой матери. Без вариантов.

Или как?

Владимир Юринов, Андреаполь

ПЯТЬ ЛЕТ МЫ БЫЛИ С ВАМИ

Дорогие друзья! Вы держите в руках последний номер «Светлячка». А кто-то читает его в интернете. Пять лет из месяца в месяц газета, выходящая на общественных началах, не имеющая штатных сотрудников и финансирования, спешила на встречу с вами.

Поначалу мы по праву хозяев знакомили вас с творческими людьми, живущими только в Андреаполе. Потом круг авторов расширился, как и круг читателей. Присоединились авторы из соседних районов и области, андреапольцы, живущие сейчас в других местах.

Начала было перечислять фамилии, но передумала. Зачем? Ведь всех поэтов и прозаиков вы можете увидеть сами, открыв на сайте Андреапольской библиотеки литературно-краеведческую газету «Светлячок». Номера её останутся доступными для желающих вновь перелистать знакомые страницы. Все эти годы библиотека была её издателем, добровольным распространителем. Она же была и остается её хранителем.

Среди наших авторов есть крепкие поэты и прозаики. Есть и те, кто впервые взялся за перо, пожелав участвовать в наших литературных конкурсах. За пять лет многое изменилось, и начинающие стали мастерами, успешными участниками крупных литературных конкурсов.

Под рубрикой «Мы помним вас» мы знакомили читателя с теми, кого уже нет с нами. Их мысли и чувства становились доступны вам, дорогие читатели.

На базе газетных публикаций мы сумели выпустить два сборника: поэтические переключки «В бессонные ночки затейливы строчки» и прозы – «Мотовозик до Жукопы». Благодаря «Светлячку» сложилось новое творческое межрайонное объединение «Западный форпост».

О том, что вы следите за газетой, ждете её, мы узнавали из ваших писем, интернетсообщений и звонков.

В дни выхода «Светлячка» значительно увеличивалось количество посетителей сайта нашей библиотеки. Откуда только ни заходили люди: многочисленные уголки России, Беларусь. Желали нас видеть и в различных регионах Европы.

Если газета вдруг задерживалась на день-другой, вы тревожились. Но мы успокаивали: «Ждите, будет непременно».

И вот теперь мы прощаемся с вами. Всё когда-то кончается. Но прощание наше не печально: газета сделала своё доброе дело и стала заметной частичкой в истории нашего края.

Всего вам доброго.

М. Петрова,
редактор литературно-краеведческой газеты «Светлячок»

• Улыбнись

* * *

Торю тропинку за селом.
Ворчат снега скрипучие.
Всю ночь усердно помелом
Мела зима над кручею.

На небе солнце леденцом
Холодным диетическим.
На пальце с камешком кольцо –
Твой промах исторический.

Вот климатический сюрприз –
Под холода трескучие
Сиюминутный мой каприз
Попал в мужья по случаю.

* * *

Растелешусь на полке,
ты ж плесни на каменку.
В двух водах да в молоке
Вымоюсь – и в спаленку.
И покуда не уймём
Пламени телесного,
Еженощно познаём
Много интересного.

* * *

Опять витаю над селом
В своих мечтаньях не девичьих.
Прикрыла ночь меня крылом,
Ведь надо ж соблюсти приличья.
Душе мятущейся моей
Тесно стареющее тело.
Ну присмотрел бы кто за ней,
Чтоб вдруг совсем не улетела.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ МУЖА

Спрячь ладошку в кулачок,
повернись на бочок.
Да под голову кулак
подложи и... дрыхни так.

Светлана Большенкова

МУРАВЕЙ И ЛЯГУШКА

У реки, на зелёной опушке,
Когда солнце садится под вечер,
Одинокая бродит лягушка
До земли низко голову свесив.

Ужасаясь своим отраженьем,
Каждый день над водой она стонет,
Представляя, как утром осенним
Спрыгнет вниз и бесстрашно утонет.

Вот, однажды, как солнце потухло
И в покое застыла природа,
На пригорок взобралась лягуха,
Решив спрыгнуть в холодную воду.

«Не хочу я так жить и не буду!
Я покончу с убожеством этим!
Каждый день слышу крик отовсюду,
Что страшнее меня нет на свете.

Я умру и никто не заметит.
Да кому замечать. Я одна.
Никому даже вечером этим,
Как и днём, я опять не нужна!»

Вдруг, лягуха услышала вопли:
«Подожди! Успокойся скорей!
Ну-ка вытри зелёные сопли!
Наклонись! Я у лапы твоей!»

Присмотрелась лягуха и видит:
Муравьишка рыдает под ней.
«Тебя кто-то, наверно, обидел?
Ты чего здесь кричишь, муравей?»

Он смотрел ей в глаза без отрыва,
От ответного взгляда он таял:
«До чего ж ты, лягушка, красива!
Я давно за тобой наблюдаю!

Каждый вечер ползла ты на горку,
Сзади я за тобою взбирался.
Ты рыдала так больно, так горько,
Я твоими слезами питался.

Звал тебя я, но ты не слыхала,
Я вопросы тебе задавал
Но ты также не отвечала,
С тобой вместе я молча страдал.

Кто придумал, что ты не красива?
Кто посмел эту ложь внушить?
Для меня ты неповторима,
Как смогу без тебя я жить?

Таких глаз не видал нигде я,
Каждый день ими я опьянён,
Как бредова о смерти идея,
Но, коль прыгнешь, то прыгнем вдвоём!

Солнца луч осветил пригорок
И тихонько за лесом угас...
«Муравей, ты мне тоже дорог!
Ты меня от ошибки спас!»

И с тех пор, у реки, на опушке,
Когда солнце садится под вечер,
Муравей обнимает лягушку
И счастливее их нет на свете!...

Юлия Алексеева